

С.А. Фомичев

Фамусов

Главным идейным антагонистом героя в «Горе от ума» представлен Фамусов, «управляющий казенным местом», московский барин, отстаивающий устои патриархального дворянства. В комедии, однако, внятно намечено неминуемое схождение с исторической сцены подобных типов. Недаром важный московский барин заискивает перед неродовитым Скалозубом. Именно непрочность нынешнего положения определяет его панегирики «веку минувшему» и раздражение против общественных перемен и всякого рода «умников». Его похвалы Максиму и Кузьме Петровичам кажутся чрезмерными и в противовес собственным намерениям расцветиваются чуть ли не сатирическими красками. В критике часто отмечалось, что фамусовские речи объективно сближаются с пылкими обличениями Чацкого. Однако подобные «совпадения» в комедии Грибоедова вполне обусловлены драматургически. Характер Фамусова ярко обрисован с первого его появления на сцене, когда он неожиданно для себя застаёт ранним утром дочь со своим секретарем. Он изумлен и раздосадован. Проще всего было бы дать отповедь и Софье, и Молчалину, указав им на нарушение приличий. Однако у самого Фамусова «рыльце в пушку», и Лиза, свидетельница отнюдь не «монашеского» его поведения, находится здесь же. Это заставляет Фамусова искать приличный в данной ситуации стиль поведения. Первое, что приходит ему на ум (это одно из его самых глубоких и искренних убеждений), — пагуба учености. Собственно, двумя явлениями раньше он говорил о том же:

...в чтеньи прок-от не велик;
Ей сна нет от французских книг,
А мне от русских больно спится.

Но тогда он просто добродушно шутил. Сейчас той же мысли придается общественно-морализаторское значение. «Во всем француз нагадил» — незыблемое кредо московского барина. Так рождается филиппика против Кузнецкого моста и «вечных французов». Прислушаемся к Фамусову: «губители карманов и сердец», то есть прежде всего карманов. И разве не слышится комическая несообразность в возгласе: «Когда избавит нас Творец от шляпок их!..» Бог... и шляпки! Несомненно, Грибоедов сознательно предусмотрел параллель к этим словам Фамусова. В конце третьего действия Чацкий говорит:

Я одадь воссылал желанья
Смиренные, однако вслух,
Чтоб истребил Господь нечистый этот дух
Пустого, рабского, слепого подражанья;
Чтоб искру заронил он в ком-нибудь с душой,
Кто мог бы словом и примером
Нас удержать, как крепкою вожжой,
От жалкой тошноты по стороне чужой.

Совпадения в отдельных патриотических высказываниях двух антагонистов: Фамусова и Чацкого — неоднократно останавливали недоуменное внимание критики. Но принципиальность Чацкого в постановке этой проблемы в устах Фамусова оборачиваются банальностью и пошлостью.

Неоднократно предпринималась в консервативной критике и попытка апологетического переосмысления образа Фамусова. Постаревший Вяземский рассуждал:

«Да, если пошло на то, чем так глуп и безобразен Фамусов? По-видимому, он человек дюжинный, старого покроя, но добряк и не лишен некоторого благоразумия и человеческих сочувствий. Посмотрите, например, как, после долгой разлуки, встречает он Чацкого:

Ну, выкинул ты штуку!
 Три года не писал двух слов
 И грянул вдруг как с облаков
 <...>
 Здорово, друг, здорово, брат, здорово!
 Рассказывай, чай у тебя готово
 Собратье важное вестей?
 <...>
 Да Расскажи подробно,
 Где был? Скитался столько лет!
 Откудова теперь?

Тут есть и дружеский привет, и очень естественное любопытство. Вольно же Чацкому отвечать на все это колкостями, дразнить старика, оскорблять привычки и предания его. Фамусов, как и все пожилые и отживающие люди, любит, может быть, и с пристрастием, свое минувшее, в виду настоящего, которое не могут они назвать вполне своим. Это естественно и неминуемо».

По-своему осмысливал комедию Грибоедова и Фет. В письме к С.В. Энгельгардт 20.1.1876 он писал:

«Купил себе “Горе от ума” и схожу с ума от этой прелести. Новей и современной вещи я не знаю. Я сам — Фамусов и горжусь этим».

В июльской книжке «Русского вестника» за 1885 год появилась статья Фета «Фамусов и Молчалин. Кое-что о нашем дворянстве», где он писал:

«Вспомним Фамусова, принимавшего всю московскую знать, с его “Обычай мой такой: Подписано, так с плеч долой” — и Молчалина с его чуланчиком. Не явно ли, что при таком порядке всем делом руководит, согласно своим целям и выгодам, Молчалин, прикрываясь авторитетом Фамусова, и что по своей юркости и смышленности Молчалин не может не видеть, что среди чиновников, прокладывая себе около Фамусова карьеру, только он один не свой и то затем, что деловой. Могло ли подобное положение не внушать Молчалиным зависти и ненависти ко всей окружавшей их среде? <...> Добродушный Фамусов и не заметил, что, помимо уменьшения его экономических средств, его доброжелатель Молчалин подsunул ему под разными предлогами такое самоуправление, которое, перейдя в полное самоуправство, не только лишило Фамусова-помещика всякого руководящего значения, но и сделало его вполне беззащитным от всяких враждебных вторжений в его экономическое дело».

Тип Фамусова неоднократно возобновлялся под пером позднейших писателей. «Нового Фамусова» мы встретим, например, в комедии Островского «На всякого мудреца довольно простоты». Герой ее, Мамаев, при первом же появлении на сцене спешит представиться Фамусовым.

«Отчего нынче прислуга нехорошая? — размышляет он. — Оттого, что свободна от обязанности выслушивать поучения. Прежде, бывало, я у своих подданных во всякую малость входил. Всех поучал, от мала до велика. Часа по два каждому наставления читал; бывало, в самые высшие сферы мышления заберешься, а он стоит перед тобой, постепенно до чувства доходит, одними вздохами, бывало, он у меня истомится. И ему на пользу, и мне благородное занятие. А нынче, после всего этого...»

Ну, конечно же, это новый Фамусов, некогда забиравшийся в «высшие сферы мышления» перед бессловесным Петрушкой («разорванный локоть» которого, кстати сказать, также выверенная автором деталь, подчеркивающая прежде всего неблагополучное материальное состояние его хозяина).

А. Кизеветтер писал:

«Фамусов и его гости, в сущности, никогда не умирают. С течением времени они меняют костюмы, наружность, обстановку, изменяются самые их интересы и понятия, но основная сущность их природы возрождается вновь и вновь при всяких общественных порядках и у всех народов. Фамусов и его гости — это то самое, что у Ибсена означено ироническим названием

“столпов общества”. Эти люди, претендующие на монопольную роль охранителей существующего порядка и понимающие охранение в виде лицемерного возведения на степень добродетели самых низменных пороков своего века и своей среды. В тайниках души они глубоко убеждены, что не на добродетели, а на пороках зиждется устойчивость общественного порядка, при одном лишь непрременном условии, чтобы порок не выпячивался наружу, а скромно прикрывался занавеской: “Грех ничего, молва не хороша”.

А там пусть себе господа Чацкие и прочие сумасброды вопиют против низкопоклонства, насилия человека над человеком, пригнетения свободной мысли и проч., и проч. Без всего этого шагу ступить нельзя, и только зловредные мятежники могут посягать на эти основы общежития. Так твердят Фамусовы всех эпох, всех стран и всех народов. Борьба Чацких с Фамусовыми проходит сплошной нитью чрез всю мировую историю, только под разными видами и в разных комбинациях. И вот почему “Горе от ума” и сейчас — вулкан, вовсе не потухший. И для нас, и для потомков наших он выбрасывает и будет выбрасывать и пламя, и огненную лаву».